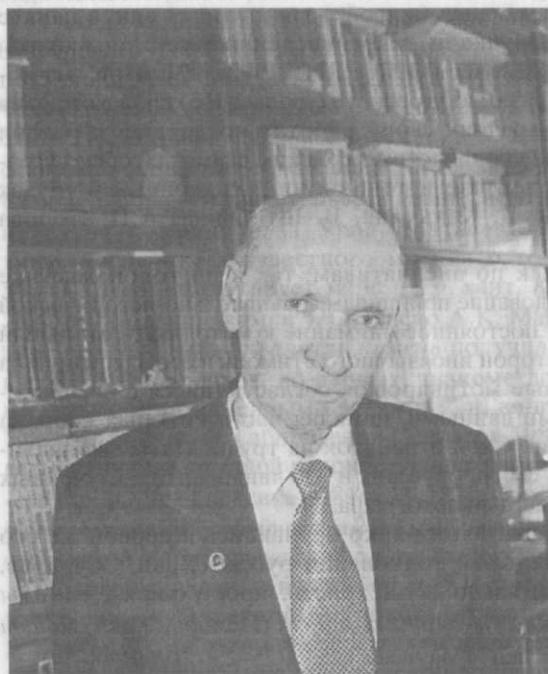

© 2001 г. А.Е. АНИКИН

ОТ ЧУДИ ДО МЕРИ

(к 75-летию А.К. Матвеева)

8 июля 2001 г. исполнилось 75 лет со дня рождения Александра Константиновича Матвеева – выдающегося отечественного лингвиста и организатора исследований в области теоретической и прикладной топонимистики, этимологии, лингвистической географии, диалектологии и диалектной лексикографии, члена-корреспондента РАН, заведующего кафедрой русского языка и общего языкознания Уральского государственного университета им. А.М. Горького, доктора филологических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ.

А.К. Матвеев родился в Свердловске, одно время жил на Дальнем Востоке. В 1949 г. закончил факультет русского языка и литературы Хабаровского пединститута. Почти полвека (с 1952 г.) он работает в УрГУ, где воспитал множество учеников ("Уральская топонимическая школа") и создал с их помощью – вне рамок Академии наук – уникальный научный центр.

По этим результатам своей деятельности Александр Константинович не может не напоминать другого выдающегося ученого – А.П. Дульзона. Уральскому университету повезло с А.К. Матвеевым, подобно тому как Томскому пединституту повезло с А.П. Дульзоном.

Основное направление научных исследований юбиляра связано с лингвистическим исследованием Севера и Северо-Востока европейской России (Урал, Приуралье, Русский Север), Средней России и Зауралья: сбор и анализ топонимии и диалектной лексики, изучение языковых контактов русских с аборигенами (преимущественно с уралоязычными), древнее расселение и миграции последних, реконструкция данных о вымерших дорусских языках. Исчезновение этих языков и их носителей (мифологизированных народом и не без ностальгии романтизированных в литературе, ср. блоковское *Чудь начудила, да Меря намерила...*; *Не в богатом покоишься гробе Ты, убогая финская Русь!* и сходные образы), как и прогрессирующая на наших глазах утрата сохраняющей следы прошлого местной русской топонимии, народной терминологии,

диалектной речи – потеря для человечества (ср. [Топоров 1975: 7]). Фиксируя и систематизируя полевые данные, А.К. Матвеев и его ученики, перенявшие от Учителя его высокие нравственные и научные принципы, делают важное не только для науки благородное дело.

"Александр Константинович называет себя автодидактом... Действительно, ему многое пришлось делать первому и почти все – самому" [Рут 1996: 7]. В середине 50-х гг. он сам определяет тему своей кандидатской диссертации [Матвеев 1959] и определяет маршруты своих первых полевых выездов (с 1955 г.), с которых начинается длившаяся 34 года серия из 77 экспедиций под его руководством, дополнявшаяся походами на охоту, в ходе которых А.К. Матвеев с друзьями ставил многолетний топонимический эксперимент. Отраженный в диссертации и первых публикациях А.К. Матвеева обширный полевой материал позволил существенно обогатить имеющиеся представления об объеме и других параметрах финно-угорского вклада в русских говорах Северного Урала и Зауралья. В 1955–1956 гг. исследователь выявил усвоенные от ассимилированных манси (живой язык которых еще в начале XX в. записывали А. Каннисто и Б. Мункачи) многочисленные термины охоты и рыболовства, а также топонимы [Матвеев 1976а: 71; 1993: 92]. При этимологизации русской апеллятивной лексики финно-угорского (уральского) происхождения А.К. Матвеев и в ранних, и в более поздних своих работах поддержал и развил лучшие традиции исследования прибалтийско-финских, пермских, саамских, обско-угорских и ненецких элементов в русской лексике и топонимии, заложенные в трудах Я. Калимы, Т. Итконена, М. Фасмера, Б. Кальмана, В. Штейница, А.И. Попова и других ученых.

Этимологические труды юбиляра как по апелляциям, так и по топонимике отличается провициальность, строгое следование принципам сравнительно-исторической грамматики русского и других языков, постоянное внимание к методике, детальный анализ фонетической и семантической сторон иноязычного этимона и его адаптации на русской почве, всесторонне продуманные мотивировки, согласующиеся с историко-культурными и лингвогеографическими данными, немалая часть которых собрана самим А.К. Матвеевым и его учениками. Свой отпечаток на труды Матвеева накладывает превосходное знание уральских, севернорусских и т.п. ландшафтов, изученных им на уровне профессионального геодезиста и картографа.

Эти и другие достоинства Матвеева-этимолога ярко проявились в первой же его публикации – оригинальном и убедительном толковании русск. (Урал, Зауралье, Сибирь) *ваньза*, *ваньзя* и др. "дикарь, язычник, нехристь, простофиля", *ваньзы* "исконные жители Зауралья, чужд" (**ман(ь)з* = русск. *манси*, (Печора, Урал) *манзы* "манси" (манс. (Сосьва) *máńzi* и др. "мансиец" [Матвеев 1958: 225–230; 1959: 48–54]).

Убедительность этимологий А.К. Матвеева естественным образом превращает их в надежное основание для этноисторических импликаций и установления закономерностей адаптации заимствований в русских говорах. Тщательно описываются детали этой адаптации, не исключая малейших, наподобие оформления анлаута, севернорусских диалектизмов (р. Мезень) *айбáрча* "кушанье из оленьей крови" ((нен. *ñайбарць*, *ñаябарць*), *амдёр*, *амдюр(а)* "свернутая оленья шкура – сиденье в нарте" ((нен. *ñамдёр*), обусловленного их происхождением из крайнезападных ненецких говоров [Матвеев 1995а: 40; 1996а: 226–227, 229–230]. Выявленные закономерности, в свою очередь, позволяют подключать к ним дополнительный лексический материал. Так, соответствие фин *ii* = русск. *ы* свидетельствует в пользу старого объяснения этнонима *зыряне* (др.-русс. *сырьяне*) из фин. *сулја* "сторона, край", с которым согласуется корреляция субстратных топооснов *Сыр(ь)-* и *Сюр-* [Матвеев 1973: 351–352].

Этимологи, занимающиеся заимствованиями, нередко упускают из вида возможности их объяснения как исконных слов. А.К. Матвеева отличает пристальное внимание к собственно русским и/или славянским ресурсам этимологизации, см. *passim* в публикациях юбиляра. Эту особенность Матвеева-этимолога и характерный для него

способ научной аргументации прекрасно иллюстрирует новая этимология "аномального" гидронима *Свидь*, основанная на его отождествлении с полевой находкой – архангельским диалектизмом *свидь, свіды* "свидание": "берега Свиди... пригодны для жилья только в среднем течении, где они сухие, напротив, ее верховья и низовья – низменные и топкие. Среднее течение Свиди... удалено на равное расстояние от северного конца оз. Лача и южного конца оз. Воже. Здесь, видимо, и была первоначальная Свидь, где встречались караваны лодок, плывущих навстречу друг другу с севера... и юга..." [Матвеев 2000а: 12–13]. Уместно вспомнить, как при разборе финно-угорских этимологий русск. (Мангазея, XVII в.) *реж(ь). режма* "проток" в выступлении на 3-ем Совещании по русской диалектной этимологии (УрГУ, октябрь 1999 г.) А.К. Матвеев поддержал предложенное Ж.Ж. Варбот [Варбот 1992: 194] сближение этого слова с русск. *рэзать*, ссылаясь на свой опыт охотника-путешественника: *режмой* мог исходно называться путь, "прорезанный" для лодки в маловодном месте (иначе [Матвеев 2000б: 231–233]).

Одновременный учет ареальных особенностей русских фактов и общерусского, славянского фона, профессиональное владение разнородным языковым материалом позволили А.К. Матвееву получить ряд важных результатов, касающихся архаической русской топонимии на Северо-Востоке Европы, – в частности, аргументировать связь гидронимов *Сухона* с русск. *сухой*, *Двина* с русск. *два*. Выявлены многочисленные топонимические кальки, позволившие увидеть в названиях типа *Шучья* или *Собь* (гидронимы) свидетельства давних контактов угров и самодийцев с русскими на их путях к Уралу и за Урал [Матвеев 1987а: 70–74]. Весьма важны коррективы, касающиеся известного мнения о том, что старинное наименование Урала – *Кáмень* – калькирует манс. *Нёр*, хант. *Кев*, коми *Из* (= "Камень"), нен. *Нарка* "Пэ" (= "Большие камни"). Согласно А.К. Матвееву, в действительности речь идет о том, что на Урале апеллатив *кáмень* получил новое вторичное значение "каменная гора", обусловленное, во-первых, знакомством русских с "новыми для них реалиями – высокими каменными горами..." и, во-вторых, влиянием "каменных" названий Урала в языках его аборигенов [Матвеев 1987а: 73; 1987б: 134]. Этот вывод делает весьма проблематичной реконструкцию значения "каменная гора" для праслав. **kamy*, *-ene* (ср. [Общая лексика 1989: 123–127]). Более широкие импликации (нуждающиеся в специальном обсуждении) имеет высказывание А.К. Матвеева о бедности восточнославянской и общеславянской орографической терминологии [Матвеев 1986а: 58–59].

Последовавшему в начале 60-х гг. "стратегическому" повороту А.К. Матвеева к изучению субстратной топонимии (отнюдь не означавшему прекращения занятий другими темами, в том числе апеллативной лексикой) сопутствовало создание им "его любимого детища" [Рут 1996: 6] – Топонимической экспедиции (ТЭ) УрГУ, единственного в своем роде поисково-аналитического сообщества исследователей, уже 40 лет бессменно руководимого его создателем. В качестве основного объекта изучения ТЭ А.К. Матвеев выбрал Русский Север – территорию, открывающую прекрасные перспективы изучения реликтов уральских языков, дорусских и русских архаизмов. Ежегодные полевые выезды ТЭ с участием не менее 20 сотрудников (до 1989 г. – с личным участием А.К. Матвеева), в ходе которых собирался русский и иной материал по топонимии, диалектной лексике, антропонимии, этнонимии и т.п., привели к созданию картотек, включающих до 2 млн. единиц хранения. К настоящему времени полностью обследованы Русский Север (куда совершаются повторные "ревизионные" экспедиции), частично – Костромская, Ярославская, Челябинская и Оренбургская области, Средний и Полярный Урал, Башкирия, Прииртышье, Саяны. Накопленные базы данных сами по себе представляют огромную научную ценность. В них содержатся и сведения по обско-угорской, пермской, самодийской (а также тюркской) топонимии, значимость которых заключается кроме прочего в связанной с ними возможностью сопоставлять субстратную русскую топонимию уралоязычного происхождения с топонимией живых уральских языков.

Многие могут помнить, как в ходе сбора материалов по камасинскому языку (камасинская коллекция ТЭ еще ждет своего исследователя, ср. [Матвеев 1965: 32–37]) А.К. Матвеев в 1963 г. обнаружил последнюю носительницу этого ныне вымершего языка (ср. [Матвеев 1964а: 53; 1972: 76]), великодушно "отданную" им эстонским уралистам.

Важно подчеркнуть качественный аспект собранных в ТЭ материалов, гарантируемый проведением полевой работы по оригинальной и эффективной программе, составленной при участии и под редакцией А.К. Матвеева и неоднократно корректировавшейся в зависимости от решаемых научных задач. Важнейшие методические "императивы" ТЭ состоят в следующем: 1) сплошной сбор материала в каждом без исключения населенном пункте обследуемой территории; 2) осуществление топонимического исследования как части комплексного обследования территории – параллельно со сбором данных по другим разделам ономастики, а также по диалектной лексике; 3) учет и лингвистической (варианты слов, ударение, словообразовательные и синонимические связи, мотивационные контексты, семантические микросистемы и др.) и нелингвистической (географическая привязка топонимов, характеристика обозначаемых ими объектов и т.п.) информации; 4) проверка каждого записанного факта у нескольких информантов [Рут 1997: 116–117]. Материал, собранный в соответствии с указанными принципами, очень ценен для лингвогеографических, этнолингвистических и ареальных исследований.

Материалы ТЭ широко используются в трудах А.К. Матвеева, в том числе в его словарях, положивших начало уральской топонимической лексикографии. Им составлены топонимические и орографические словари Урала [Матвеев 1980а; 1984а; 1987б; 1990а; 2000б], а также краткий топонимический словарь территорий Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского автономных округов [Матвеев 1997а]. Научная строгость и разносторонняя эрудиция автора сочетаются в этих публикациях с очень доходчивым стилем изложения, так что лингвистические выкладки и богатая историко-культурная информация оказываются доступными неспециалистам. Тем самым работа А.К. Матвеева по топонимической лексикографии соотносится с его популяризаторской деятельностью: его многочисленные научно-популярные статьи (например, в журнале "Уральский следопыт") и книги [Матвеев 1976б; 1990б] получили широкую известность.

Весьма благоприятными представляются перспективы развития ТЭ, участие в которой стало настоящей научной школой для учеников юбиляра и дало материал для их работ – от студенческих курсовых до диссертаций, статей и монографий (их перечень см. [Матвеев-Библ. 1996: 28–38])¹. Эти перспективы связаны с дальнейшим собиранием материала, компьютеризацией [Николаева 2000: 143] и разработкой в существующей при ТЭ топонимической лаборатории под руководством А.К. Матвеева специальных методик обработки данных. Имеется реальная возможность создания серии новых топонимических и иных словарей, а также атласов. Некоторые из принадлежащих будущему фундаментальных трудов этого рода уже становятся реальностью. Имеющаяся в ТЭ огромная картотека лексики говоров Русского Севера стала основой для редактируемого А.К. Матвеевым словаря этих говоров, первый том которого должен выйти в свет в текущем году. Следует напомнить, что этот словарь – не первый подготовленный в УрГУ крупный труд по диалектной лексикографии: в 80–90 гг. был издан "Словарь русских говоров Среднего Урала", большая часть которого (вып. III–VII и три вып. дополнений) была отредактирована А.К. Матвеевым.

Содержащийся в "Словаре говоров Русского Севера" лексический материал несравненно богаче того, что можно найти в известных трудах Г. Куликовского, А. Подвысоцкого, а также В. Даля. Вводимые в научный оборот новые данные содержат кроме

¹ Показательна цифра – из защищенных в России в период с 1990 по 1999 гг. 9 докторских диссертаций по ономастике 3 выполнены в рамках Уральской топонимической школы учениками А.К. Матвеева [Superanskaja, Hengst, Vasil'eva 2000: 121].

прочего множество ранее не отмечавшихся лексических элементов уральского происхождения – зачастую локализмов, восходящих к вымершим языкам. По предварительной оценке, речь идет о более чем тысяче заимствованных лексем [Матвеев 1995б: 15], которые станут предметом анализа в "Словаре финно-угро-самодийских заимствований в говорах Русского Севера", подготавливаемом коллективом под руководством А.К. Матвеева. Нет сомнений, что эта работа обогатит русскую этимологию обилием свежего и прекрасно проработанного материала. Не менее существенно, что, коррелируя с результатами анализа топонимических данных, новый словарь будет способствовать обобщению и детализации описания древней лингвоэтнической картины Севера.

Занявшись топонимикой, А.К. Матвеев столкнулся с необходимостью усовершенствования ее теоретических оснований и методики. В теоретическом аспекте существенно прежде всего обращение А.К. Матвеева к проблеме статуса топонимики как науки, вернее, обоснование необходимости изучения географических (и иных собственных) имен лингвистическими методами. Именно в них он видит средство избавления топонимики от ее "вечной болезни – дилетантизма" [Матвеев 1974: 5]. С подобными мыслями А.К. Матвеева смыкаются его полемические соображения, касающиеся попыток обосновать независимость топониматики от лингвистики путем установления "специфически" ономастических (топонимических) законов. А.К. Матвеев показал, в частности, что обоснованный В.А. Никоновым важный закон/принцип относительной негативности топонимии является лишь частным случаем определенных словопроизводственных процессов в топонимии [Матвеев 1974].

Важное значение для практики топонимических исследований имеет обсуждение А.К. Матвеевым понятий субстрата и заимствования в топонимии, демонстрация того, что наличие субстрата зачастую доказывается именно топонимическими данными. Это отнюдь не дает, однако, оснований для "противопоставления топонимического субстрата общезыковому" [Матвеев 1993: 94]. В этой связи уместно напомнить также о постоянно встречающихся в работах юбиляра уточнениях (как в теоретическом, так и в прикладном аспектах), касающихся содержания и соотношения используемых в топонимике понятий/терминов: субстрат, субсубстрат, квазисубстрат, микро- и макротопонимы, микротопонимический и гидродинамический субстрат, заимствования и "включения", адстрат и т.п. Показательно, например, обсуждение А.К. Матвеевым признаков субстратных элементов в отличие от квазисубстратных заимствований типа *Лена, Обь* [Матвеев 1993: 89].

Упомянутый выше ономастический эксперимент А.К. Матвеева, ставившийся им с друзьями-охотниками в лесах Шалинского района Свердловской области, позволил ему "изнутри" следить за развитием искусственной топонимической системы и обсудить проблему соотношения естественной и искусственной номинации в ономастике. Как выяснилось, граница между этими способами имянаречения весьма условна. Наблюдения над искусственными топонимическими системами могут быть полезны для этимологизации "настоящих" топонимов [Матвеев 1986б: 132–136; 1991: 13–27]. Работая с "топонимическими древностями", А.К. Матвеев затронул проблему происхождения имени собственного и соотношения проприальной и апеллятивной лексики на ранних этапах их развития [Матвеев 1987в].

А.К. Матвеева не удовлетворили использовавшиеся в топонимике методы исследования, их несовершенство, противоречивость и, как следствие, ненадежность результатов: "дискуссионность положений вынуждает многих... лингвистов и историков обходить топонимический материал, поскольку полученные при анализе топонимов выводы далеко не всегда вызывают доверие" [Матвеев 1986в: 5]. Указывая на примеры использования в топонимике системного подхода (в частности, бинарных оппозиций типа "северный" – "южный", "верхний" – "нижний"), он нашел возможности его более широкого и эффективного применения при анализе субстратной топонимии Севера. Наиболее перспективным был признан при этом ономастический подход (смыкающийся с изучением принципов номинации географических объектов), пред-

полагающий процедуры: 1) выстраивания "словаря важнейших семем. предположительно употребляемых в субстратной топонимии данной территории"; 2) перевод этого словаря на язык, факты которого наилучшим образом объясняют субстратную топонимию (язык-эталон); 3) наложение сетки лексем языка-эталона на субстратную топонимию. Правильный выбор языка-эталона и корректное осуществление указанных процедур ("направленная этимологизация") приводят к установлению более надежных этимологий топонимов и выявлению фонетических особенностей языка субстрата (разумеется, с учетом относительной способности топонимии отражать его), а также ареальных связей этого языка – не говоря о других выводах. "Направленная этимологизация" показала, например, что вымершие саамские диалекты Севера по признаку сохранения (неассимиляции) носовых в сочетаниях "носовой + гоморганный согласный" объединяются с большинством саамских диалектов Кольского п-ва. ср. русск. *дикий олень* (переданная по-русски семема), *Кондица*, *Кондозеро* (топонимы) – саам. (язык-эталон) *koñ^dt* (Кильдин), но *god^dde* (саам.-норв.) и т.п. [Матвеев 1976а: 66, 68–69].

Нередким суждениям о произвольности и непознаваемости топонимов может быть противопоставлена разработка А.К. Матвеевым принципа семантической мотивированности географических собственных имен – их зависимости от свойств обозначаемых ими объектов и иных факторов вплоть до этнической психологии этноса-номинатора [Матвеев 1969а]. Методический аспект присутствует и в значительном количестве созданных и/или усовершенствованных А.К. Матвеевым более частных приемов анализа топонимии. Сюда относится осмысленный им теоретически поиск топонимических калек, в том числе метонимических – встречающихся в топонимических системах с выраженным субстратным слоем "одинаковых в плане содержания, но различных в плане выражения (разноязычных) обозначений смежных объектов": в озеро *Чачема* ("водяное", ср. саам. *časse* "вода") впадает река *Мокрая*, в *Рабручей* ("грязный ручей", ср. вепс. *raba* "гуща, грязь") впадает ручей *Грязный* и т.п. [Матвеев 1972: 80–81].

Принципиальную методическую особенность топонимических работ юбиляра составляет региональный подход. В начале топонимических исследований (60-е гг.) А.К. Матвеева этот подход резко контрастировал с распространенными в ту пору "трансконтинентальными" сопоставлениями этнонимов и субстратных топонимов. Подобные сопоставления, например, между северо-востоком Европы и Сибирью, безусловно имеют право на существование. Без них невозможно исследование ни доуральского субстрата на Русском Севере (ср. мысли А.К. Матвеева о сравнении гидронимов *Кема*, *Кьяма* с тув. хем "река" и т.п. [Матвеев 1969б: 54; 2000б: 127]), ни палеосибирской или палесибирской топонимии ([Матвеев 1971: 7–34]; ср. обсуждение проблемы гидронимов типа *Казым*, *Надым* в [Матвеев 1993: 90–91; 1997а: 9–10 и др.]). Опасность заключается в их неосторожном применении и/или универсализации в качестве основного приема топонимистики.

Именно региональный подход, предполагавший рассмотрение субстратной топонимии на всем лингвистическом континууме конкретной территории (прежде всего на фоне данных по топонимии русского происхождения и по русской диалектной лексике, подкрепляемых данными исторического, географического и этнографического порядка) предопределил принципы полевой работы ТЭ. Особенно важной стала разработка А.К. Матвеевым метода микрорегионального исследования (комплексного анализа микропонимии отдельных небольших территорий), оказывающегося наиболее эффективным инструментом выявления и этимологической идентификации верхнего слоя субстрата, представленного главным образом микропонимией. Возможности этого метода были наглядно продемонстрированы А.К. Матвеевым при анализе Нижне-онежского региона [Матвеев 1989] и юго-восточной части Подвinya [Матвеев 1998а]. Микрорегиональный подход органически соответствует характерному для Русского Севера "кустовому типу поселений, этнической пестроте в прошлом и связанной с ней языковой (диалектной) мозаичностью субстратной микропонимии, плогные очаги которой возникают при обрусении местной чуди" [Матвеев 1989: 78].

Еще одним "китом", на котором зиждутся топонимические исследования А.К. Матвеева, является новаторски развитый им лингвогеографический анализ топонимии – картографирование фактов, выявление изоглосс, сопоставление ареалов и т.п. Чрезвычайно эффективным в работе А.К. Матвеева оказалось, в частности, выделение и анализ топооснов и топоформантов, способных дифференцировать разные по происхождению пласты топонимов, что напоминает роль анализа некоторых формантов (по существу, дифференцирующих) в трудах А.П. Дульзона по тюркской, самодийской и енисейской гидронимии. Так, название озера типа коми *ты*, венг. *tó*, нен. *to* ярко выделяет угорские, пермские и самодийские языки, что делает весьма показательным практическое отсутствие следов подобного форманта в субстратной топонимии Русского Севера [Матвеев 1990в: 13]. Кроме того, выделяются дифференцирующие фонетические и лексические признаки, позволяющие строить выводы о фонетических особенностях языков субстрата: начальное *X*- как примета прибалтийско-финских топооснов, сочетание *-х-* – саамских, и проч. [Матвеев 1970а: 14, 17, 28].

Здесь нет возможности даже перечислить используемые А.К. Матвеевым процедуры анализа топонимов наподобие исследования сочетаемости дифференцирующих и недифференцирующих основ и формантов или сопоставления данных анализа субстратных (микро)топонимов и заимствованных апеллятивов, в том числе сопоставление этих апеллятивов наподобие *корба* "глухой лес" ((карел. *korbi*) или *чёлма* "пролив" ((саам. *čol'bme*) и их топонимических коррелятов (*Корба*, *Чёлма*) с однокоренными образованиями типа *Корбанга*, *Корбуша* или *Чёлмохта*, *Чёлмус* [Матвеев 1970а: 12–13].

Этимологизация языковых реликтов, сохраняемых русской субстратной топонимией и диалектной лексикой, составляет основное содержание большей части публикаций А.К. Матвеева. Этой проблематике посвящены две его большие неопубликованные работы [Матвеев 1970б; 1980б], многие страницы его топонимических словарей, монографические серии статей в "Вопросах языкознания" (начиная с [Матвеев 1946б]), "Советском финно-угроведении" (в 60–70 гг.), серийных сборниках УрГУ "Вопросы ономастики", "Этимологические исследования", а также статьи в ежегоднике "Этимология", ряде зарубежных изданий и проч. (см. библиографию в [Матвеев-Библ. 1996]). Из представленных в этих работах результатов можно выделить следующие: 1) доказательство наличия в верхнем слое субстратной топонимии Русского Севера мощных прибалтийско-финского и саамского компонентов и их подробное описание, установление зоны их распространения и языковых (прежде всего фонетических, лексических) особенностей древних прибалтийско-финско-саамских диалектов; 2) обнаружение в границах упомянутой зоны фактов корреляции прибалтийско-финского и саамского пластов и "перекрывания" более раннего саамского пласта прибалтийско-финским; 3) доказательство отсутствия в субстратной топонимии угорских и самодийских реликтов и позднего происхождения коми топонимии; 4) выявление древнего пласта топонимов "севернофинского" происхождения, т.е. восходящих к промежуточным языкам прибалтийско-финско-саамско-волжского типа (например, гидронимы на гласный + *-ьга*, топоосновы, отражающие прибалтийско-финский консонантизм, но саамский вокализм – и аналогичные апеллятивы); 5) разработка мерянской гипотезы для интерпретации субстратной топонимии к югу от зоны сплошного распространения прибалтийско-финско-саамской топонимии, а также обоснование наличия топонимии мерянского происхождения на Русском Севере (в бассейне среднего течения р. Устья).

Значительные, но фрагментарные данные Я. Калимы, М. Фасмера, И.А. Попова и других ученых в пользу наличия в топонимике Русского Севера прибалтийско-финского и саамского компонентов были подтверждены А.К. Матвеевым на огромном и новаторски классифицированном материале. "Древнеугорская" и "древнесамодийская" концепции были им убедительно опровергнуты [Матвеев 1990в: 12–13; 1995б: 14–17], что согласуется с полученными на других основаниях выводами об этногенезе и этапах расселения уральских народов [Хелимский 1997: 228]. Надежные древнепермские реликты пока не обнаружены (в отличие от весьма многочисленных, но и весьма поздних

микротопонимов и гидронимов зырянского происхождения на северо-востоке Русского Севера), хотя вероятность их обнаружения имеется, ср наличествующий в летописном топониме *Тоимокары* дифференцирующий коми топоформант *-кар* "город" [Матвеев 1995а: 39] Доуральский субстрат выражен слабо и с трудом поддается выделению

По вырисовывающейся в трудах А.К. Матвеева лингвоэтнической картине (ср [Матвеев 1999]), северо-запад Русского Севера перед началом русской (новгородской) колонизации был заселен по большей части различными этническими группами прибалтийских финнов и саамов. Саамские элементы встречаются в субстратной топонимике реже, чем прибалтийско-финские, но все же занимают в ней гораздо большее место, нежели предполагалось "до Матвеева". Гидронимия саамского происхождения распространена до восточных окраин Русского Севера. Языковые реликты саамского и волжско-финского ("марийского") типа восходят к языкам более древних обитателей этого региона, ассимилированных прибалтийскими финнами или русскими. В общем виде ретроспектива субстратных слоев представляется в виде: русский, прибалтийско-финский, саамский, "марийский" (последний выявляется, например, на основе гидронимов на *-енгарь* *-енгерь*, *ингерь*, гидронима *Икса* в Архангельской области, ср соответственно мар *epei* "река" и *икса* "речка", "залив, проток"). Древнейший, "севернофинский" пласт уралоязычной топонимии, как, вероятно, и часть "марийского", возник в ходе длительных (несколько тысячелетий), подтверждаемых археологически процессов переселений этнических групп из Волго-Окского междуречья на Север. Мерянская гипотеза, особенно интенсивно разрабатываемая А.К. Матвеевым в последние годы [Матвеев 1996б, 1997б, 1998б], связана с более ранними его разысканиями относительно волжско-финского *gesp* "марийского" компонента в топонимике Русского Севера. Не отождествляя мерю и мари (черемисов), А.К. Матвеев подобно М. Фасмеру видит в марийцах ближайший к мере финно-угорский этнос. Существенный для этимологизации этнонима *зырянин*, *зырь* и этнической истории Русского Севера вывод, согласно которому на территории юга Архангельской обл. русские называли *зырянами* не зырян как таковых, а обрусевший со временем остаток заволоческой чуди [Матвеев 1984а: 79–86, 1995а: 39] модифицируется. В "лжезырянах" усматриваются "поздние мерянские мигранты" ([Матвеев 1998б: 100]; менее определено [Матвеев 2000б: 108–225]). Иницированные трудами А.К. Матвеева дискуссии по проблемам мерянистики, субстратной топонимии Русского Севера и т.п., ведущиеся при активном участии юбиляра, способствуют дальнейшему прогрессу в решении этих проблем.

Сказанное дает лишь самое беглое представление о результатах и масштабах научной деятельности А.К. Матвеева – строгого, целеустремленного и неутомимого исследователя, автора более чем 250 научных трудов. Научные и человеческие качества юбиляра обеспечили ему большой авторитет в отечественных и в зарубежных научных кругах. Не менее ценное, нежели научные труды, достижение Александра Константиновича составляют воспитанные им ученики, чья научная и педагогическая деятельность гарантирует успешное продолжение его дела. Характеристика созданной им Уральской топонимической школы составляет особую тему. Здесь можно только пожелать и Учителю и ученикам успешного продолжения их работы и осуществления всех намеченных планов.*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Varbot* Ж.Ж. 1992 – Этимология 1988–1990 М., 1992 – Рец. *Кари Ливкконен* Восточнославянские отглагольные существительные на *-т* / *-т* I Существительные на **т* / **ти* / **то* Хельсинки, 1987
- Матвеев* А.К. 1958 – К этимологии слова *ваньза* // Уч. зап. Урал. гос. ун-та. Свердловск. 1958. Вып. 16

* Статья написана при финансовой поддержке РФФИ, грант № 00-04 00910а

- Матвеев А К* 1959 – Финно-угорские заимствования в русских говорах Северного Урала // Уч зап Урал гос ун-та Свердловск, 1959 Вып 32
- Матвеев А К* 1964а – Последняя из калмажей // Уральский следопыт Свердловск, 1964 № 1
- Матвеев А К* 1964б – Субстратная топонимика Русского Севера // ВЯ 1964 № 2
- Матвеев А К* 1965 – Новые данные о камасинском языке и камасинской топонимике (предварительные сообщения) // Вопросы топонимстики Свердловск, 1965 Вып 2
- Матвеев А К* 1969а – Значение принципа семантической мотивированности для этимологизации субстратных топонимов // Этимология 1967 М, 1969
- Матвеев А К* 1969б – Происхождение основных пластов субстратной топонимии Русского Севера // ВЯ 1969 № 5
- Матвеев А К* 1970а – Русская топонимика финно-угорского происхождения на территории севера европейской части СССР Автореф дис док филол наук Свердловск, 1970
- Матвеев А К* 1970б – Русская топонимика финно-угорского происхождения на территории севера европейской части СССР Дис док филол наук Институт русского языка АН СССР Т 1–2 Приложения Карты М, 1970 (машинопись)
- Матвеев А К* 1971 – Из истории изучения субстратной топонимики Русского Севера I–II // Вопросы топонимстики Свердловск, 1971 Вып 5
- Матвеев А К* 1972 – Взаимодействие языков и методы топонимических исследований // ВЯ 1972 № 3
- Матвеев А К* 1973 – Этимологизация субстратных топонимов и апеллятивные заимствования I–II // Этимология 1971 М, 1973
- Матвеев А К* 1974 – Тезисы о топонимике 1–2 // Вопросы ономастики Свердловск, 1974 Вып 7
- Матвеев А К* 1976а – Этимологизация субстратных топонимов и моделирование компонентов топонимических систем // ВЯ 1976 № 3
- Матвеев А К* 1976б – Неройки караулят Урал Свердловск, 1976
- Матвеев А К* 1980а – Географические названия Урала Свердловск 1980
- Матвеев А К* 1980б – Этимологический словарь субстратных топонимов Русского Севера Прибалтийско финские и саамские форманты и основы Т I Свердловск, 1980 (машинопись)
- Матвеев А К* 1984а – Еще об этимологии этнонима *зырянин* // Этимологические исследования Сб науч тр Свердловск 1984
- Матвеев А К* 1984б – От Пай-Хоя до Мугоджар Названия уральских хребтов и гор Свердловск, 1984
- Матвеев А К* 1986а – К изучению орографической терминологии в русских говорах Северного Урала // Севернорусские говоры в иноязычном окружении Межвуз сб науч тр Сыктывкар, 1986
- Матвеев А К* 1986б – К интерпретации одной условной топонимической системы // Этимология 1984 М, 1986
- Матвеев А К* 1986в – Методы топонимических исследований Учебное пособие Свердловск, 1986
- Матвеев А К* 1987а – Архаическая русская топонимия на северо-востоке европейской части СССР // ВЯ 1987 № 2
- Матвеев А К* 1987б – Географические названия Урала Изд 2-е перераб и доп Свердловск 1987
- Матвеев А К* 1987в – Топонимические древности 1–3 // Формирование и развитие топонимии Сб науч тр Свердловск, 1987 (Вопросы ономастики Вып 18)
- Матвеев А К* 1989 – Субстратная микротопонимия как объект комплексного регионального исследования // ВЯ 1989 № 1
- Матвеев А К* 1990а – Вершины Каменного Пояса Названия гор Урала Челябинск, 1990
- Матвеев А К* 1990б – Вверх по реке забвения Свердловск, 1990
- Матвеев А К* 1990в – К лингвоэтнической идентификации финно-угорской субстратной топонимии // Uralo Indogermanica Балто славянские языки и проблема урало-индоевропейских связей Материалы 3 ей Балто славянской конференции М, 1990 Ч I
- Матвеев А К* 1991 – В роли создателя топонимов // Номинация в ономастике Сб науч тр Свердловск 1991 (Вопросы ономастики Вып 19)

- Матвеев А.К.* 1993 – Субстрат и заимствование в топонимии // ВЯ. 1993. № 3.
- Матвеев А.К.* 1995а – Аппеллятивные заимствования и стратификация субстратных топонимов // ВЯ. 1995. № 2.
- Матвеев А.К.* 1995б – К проблеме древних миграций уральских народов // Аборигены Сибири: Проблемы изучения исчезающих языков и культур: Тезисы Межд. науч. конф. Новосибирск, 1995. Т. 1.
- Матвеев А.К.* 1996а – Материалы для словаря финно-угро-самодийских заимствований в говорах Русского Севера // Этимологические исследования. Екатеринбург, 1996. Вып. 6.
- Матвеев А.К.* 1996б – Субстратная топонимия Русского Севера и мерянская проблема // ВЯ. 1996. № 1.
- Матвеев А.К.* 1997а – Географические названия Тюменского Севера. Екатеринбург, 1997.
- Матвеев А.К.* 1997б – К проблеме расселения летописной мери // Изв. Уральского гос. ун-та: Гуманитарные науки. Екатеринбург, 1997. Вып. 1.
- Матвеев А.К.* 1998а – К проблеме лингвистического изучения юго-восточной части Русского Севера // Ономастика и диалектная лексика. Екатеринбург, 1998. Вып. 2.
- Матвеев А.К.* 1998б – Мерянская топонимия на Русском Севере – фантом или феномен? // ВЯ. 1998. № 5.
- Матвеев А.К.* 1999 – Древнее население севера Европейской России: Опыт лингвоэтнической карты I // Изв. Урал. гос. ун-та: Гуманитарные науки, 1999. Вып. 2.
- Матвеев А.К.* 2000а – Топонимические поиски I // Финно-угорское наследие в русском языке: Сб. Науч. тр. Свердловск, 2000.
- Матвеев А.К.* 2000б – Географические названия Свердловской области: Топонимический словарь. Екатеринбург, 2000.
- Матвеев-Библ. 1996 – Матвеев Александр Константинович: Библиографический указатель трудов / Сост. А.В. Глазырин. Екатеринбург, 1996.
- Николаева Е.С.* 2000 – Электронная картотека топонимии Русского Севера: проблемы и перспективы // Финно-угорское наследие в русском языке: Сб. науч. тр. Свердловск, 2000.
- Общая лексика 1989 – Общая лексика германских и балто-славянских языков. Киев, 1989.
- Рут М.Э.* 1996 – [Предисловие] // Матвеев Александр Константинович: Библиографический указатель трудов // Сост. А.В. Глазырин. Екатеринбург, 1996.
- Рут М.Э.* 1997 – Тридцать пять лет Топонимической экспедиции Уральского университета: повод для размышлений о методике полевых работ // Изв. Урал. гос. ун-та: Гуманитарные науки. Екатеринбург, 1997. Вып. 1.
- Топоров В.Н.* 1975 – Прусский язык: Словарь. А–D. М., 1975.
- Хелимский Е.А.* 1997 – Uralo-Indogermanica: Балто-славянские языки и проблема урало-индоевропейских связей // Балто-славянские исследования 1988–1996. М., 1997.
- Superanskaja A., Hengst K., Vasil'eva N.* 2000 – Namenforschung in Russland nach 1990 // Namenkundliche Informationen 75/76. Leipzig, 2000.